

ВЛАДАРТ ДЕЛЪСАТ

Снасти наны

Владарг Дельсат

Спасти папу

<https://litres.ru/74120676>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даша Савельева знает, кем станет: врачом, как мама. Она умеет сохранять спокойствие, когда рядом кровь, боль и страх. Но есть рана, которую не залечить никакими лекарствами: её отец погиб на войне, так и не увидев свою дочь.

После встречи с героями первой книги «Коридора миров» невозможное становится реальностью. Даша оказывается на Волховском фронте — за несколько месяцев до гибели отца. Теперь он рядом. Живой. Только для него она не дочь, а юный санинструктор, случайно прибившийся к части.

Впереди наступления, раненые, освобождение Ленинграда и день, который уже однажды отнял у неё папу. Даша готова изменить прошлое любой ценой. Но можно ли спасти близкого человека, не потеряв себя — и не разрушив будущее, в котором ты родилась?

Содержание

Просто кино	4
Вторая подстанция	14
Сниматься в кино	24
Необычное кино	35
Там могут убить	45
Волховский	56
Санинструктор	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Владарг Дельсат

Спасти папу

Просто кино

Я никогда так много раньше не плакала, как в этот день. Даже когда умер товарищ Сталин, я плакала меньше, но вот в обычный зимний день просто не могу удержаться. Впрочем, я не одна в огромном кинозале, кто плачет сейчас, глядя на экран. Огромной силы кино рождает мечту — вот так же оказаться в далёком году, как простые школьники на экране. Кому-то помочь, кого-то спасти, ведь многих отняла у нас блокада...

Тот факт, что двое ребят из шестого совсем не так просты, в школе нашей ни для кого не секрет — афиши по всему городу висят. Класс у них очень дружный, образцовый, можно сказать, и всей школе его в пример ставят. Авторитет у командира и комиссара, которых ребята называют именно так, абсолютный просто. Глядя на них, подтягиваются другие классы. И мы, конечно, тоже, хотя год выдался непростым. Но пришедшие первого сентября военные и выступление этих двоих на линейке напомнили всем нам, что рядиться нечего — мы все ленинградцы.

Мама родила меня в ноябре сорок третьего года, в родиль-

ном зале Педиатрического Института, который в бомбоубежище располагался, потому что обстреливали город страшно. И хоть рождена я в блокаду, но не знаю её совсем, только на фото да по рассказам. Даже Победу не помню, иногда лишь картинки яркие в памяти всплывают. А папа погиб...

В том январе сорок четвёртого года погиб мой папка, освобождая нас от проклятой блокады. Мама рассказывала, что он так радовался тому, что я родилась, так гордился дочкой, а я его только на фотокарточке и видела. В январе сорок третьего после прорыва блокады у него отпуск был десять дней с мамой. Он очень маму любил, поэтому я и родилась. И мама его так сильно, что забыть не может спустя годы. Так и живём мы вдвоём, ведь бабушки и дедушки блокаду не пережили. А мама служила медсестрой, а потом и врачом скорой помощи, ну и сейчас тоже. Я бываю у неё на подстанции и учусь, конечно.

Восемнадцатого января отменили уроки во всём Ленинграде. Я и не поняла сначала, а вот сегодня мы пришли в «Гигант», самый большой кинотеатр, что на Калинина расположен, и сейчас перед нами на экране раскручивается сюжет о том, как двое наших товарищей во сне попали в сорок первый, сразу же принявшись защищать город. Мне это очень волнительно видеть, я даже мну мою медицинскую сумку, взятую с собой просто автоматически — я всегда с ней, потому что нужно быть готовой оказать помощь.

А на экране горько плачет девочка одних со мной лет —

её младший брат не проснулся. Вся батарея вокруг неё, поддерживает, помогает... Но я так понимаю её, ведь и у меня погиб папа. Сколько их таких погибло, сколько навсегда на кладбище осталось... А у меня глубоко внутри... Есть у меня в душе мечта — может быть, окажись я там, папа выжил бы? Я бы его собой закрыла! Я бы...

— Даша, Даша! — Катька, подруга с самого детского сада, обнимает меня, успокоить желая. — Это кино просто, фильм, не рви себе сердце, не надо!

— Это не просто кино, — я всё успокоиться не могу, а перед глазами моими увиденное. Я гоню от себя мечту, и надежду ещё, потому что действительно не может быть так, как в кино. — Ты же понимаешь?

— Понимаю, — кивает она, помогая мне встать, когда фильм заканчивается. — Пойдём погуляем, в Некрасовском посидим, пойдём.

— Да, идём, — киваю я, двигаясь туда, куда ведёт меня всё понимающая подруга.

Получив в гардеробе наши шубы, идём мы на трамвай. Я понимаю, фильм — выдумка, небывальщина, но растревожил он меня. Мама папу даже мёртвого все эти годы любит, и я тоже, несмотря на то, что никогда не видела. У меня есть только его фотокарточка, и больше ничего. Я никогда не узнаю его рук, не услышу голоса, он не носил меня на руках... Я не одна такая в Ленинграде, многих унесла война, очень многих. Но что мне до других?

Катя же уводит меня сначала на трамвай, который я просто не воспринимаю, а затем уже и в сторону сада, что напротив школы находится. Разбередил меня этот фильм, ведь я видела: ребята жили в нём, и далось им всё непросто, но талант их настолько велик, что я поверила. На мгновение всего поверила, будто возможно такое. Именно поэтому и плачу сейчас. Слезы уже унялись, но где-то внутри плачет девочка Даша, понимающая, что папы не будет.

— Вот посидим на скамейке, — ведёт меня Катя, хотя такой она меня не видела никогда ещё. — Поговорим, помечтаем вдвоём.

— Пойдём, — киваю я, потянувшись к карману, где кусочек хлеба припрятан.

Очень хорошо я понимаю Антонову, ну, артистку из нашей школы, у неё тоже хлеб всегда с собой. Хорошие, на самом деле, ребята в шестом классе, настоящие. И сыграли так, что весь зал плакал и требовал ещё. И будут, потому что они нам всем Ленинград показали. Таким, какой он был — героическим, но никогда не сдающимся. А это значит, что слёзы надо утереть и отправляться домой... Или к маме? У неё на подстанции всё знакомо, может быть, даже с собой возьмёт получать практический опыт. А в будущем году я на курсы медицинские пойду. Буду как мама!

Папа на Волховском фронте погиб прямо во время освобождения от блокады, в тот самый день. Поэтому к радости от освобождения боль примешивается. Но об этом мы дома,

чтобы никто не видел, потому что так мама сказала. Папа очень хотел, чтобы я почаще улыбалась, и поэтому встал на пути врага, прогоняя его от стен родного города. Он желал, чтобы я не знала ни голода, ни холода. И погиб именно за это.

— Всё, я спокойная уже, — выдыхаю, усилием воли приходя в себя. — А ты?

— И я, — Катя меня обнимает, отчего спокойно как-то на душе очень. — А сейчас мы с тобой на подстанцию двинемся, ты будешь науку десмургию постигать, а я чай с пряником пить.

— Хитрюга! — смеюсь я, хотя обрисовала она всё верно, а одну меня сейчас никуда не пустит.

Мы с Катей с детского сада дружим. Как уселись рядом в песочнице, так и до сих пор всегда вместе, друг друга просто отлично понимаем. Вот и сейчас она знает, что нельзя меня никуда одну отпускать, ведь я снова расплачусь, а я понимаю, что знает она это, и не сопротивляюсь вовсе. Здесь совсем недалеко до маминой подстанции на улице Марата. И во время войны, в блокаду, она располагалась там же. Мама рассказывала, что ей очень повезло жить совсем рядом с подстанцией, а вот были люди, которые шли и десять километров пешком в те трудные месяцы.

Мне нравится бывать у мамы на работе, ведь со мной с удовольствием делятся опытом. А он не из учебников, настоящий он, практический. Я и так уже многое знаю, но до

четырнадцать на работу брать нельзя, а потом, конечно...

***

Подстанция два этажа занимает, у дверей я вижу мамину машину — номер на борту её выдает. Значит, мама на подстанции сейчас, что очень даже хорошо, по-моему. Катя тоже так считает, буквально вводя меня внутрь, и вот там нас уже тётя Люба видит, руками всплеснув. Она на станции ещё до войны работала, блокаду пережила и сейчас смотрит на меня удивлённо.

— Дашуля, Катюша, что у вас случилось? — вопрошает тётя Люба, кинувшись к нам. — В школе что? Обидел кто?

Она моментально утаскивает нас за собой в комнату отдыха персонала, спугнув кого-то из медсестёр, вытряхивает меня из шубы, а Катя сама раздевается. Я пытаюсь что-то сказать, да куда там! Очень быстро привыкла действовать старшая медсестра подстанции, так что пока ничего не сделаешь, но я потихоньку успокаиваюсь.

— Тётя Люба, мы в кино были, — как-то умудряется вставить слово Катя. — Фильм очень сильный.

— Так, — она останавливается и присаживается рядом. — Про войну фильм-то?

— Про блокаду, зенитчиков, — объясняет моя подруга. — Там дети из нашего времени оказались в сорок первом, ну, будто во сне. И принялись город защищать, вот Даша...

— О папе подумала, — всё понимает тётя Люба. — Тогда

сделаем так... Эй, кто там! Веру позовите! — кричит она медсестре, что во дверях обнаруживается. — Сейчас Вера свет Максимовна придёт, и попросим мы её дочку с собой покатаать, а мы с Катюшей тогда чай гонять будем.

— Да, ей надо, — кивает моя очень умная подруга, а тут как раз и мама вбегает.

— Что случилось? — сходу спрашивает она, будто ошупывая меня взглядом. — С чего Дашка зарёванная?

— Кино посмотрела, о котором все говорят, — сообщает ей старшая медсестра. — Так что бери её с собой. И помощь тебе будет, и за работой от мыслей отвлечётся.

Мама на мгновение задумывается. Она у меня очень добрая, когда дома, а вот на работе жёсткая, суровая и не терпящая пререканий. Но сейчас переглядывается с тётёй Любой и кивает. Значит, согласна с мнением. Потом-то, конечно, она меня допросит, но раз наша старшая медсестра говорит, что именно так правильно...

— Даша, полушубок, халат и в машину! — приказывает мама, приняв решение. — Ты сегодня санитарка.

— Есть! — отвечаю я на её приказ, как будто сама в фильме побывала, и спешу затем одеваться.

На меня тут и полушубок, и халат есть, конечно, ведь не первый раз я катаюсь с мамой. Вот только она сказала, что я санитарка, а это совсем другое качество. Раньше-то я только смотрела, а сегодня, по всему видать, работать буду. И от этой новости грусть моя куда-то пропадает, потому что люб-

лю я медицину, даже очень.

Одевшись, оказываюсь в салоне, сразу же начав осматривать ящик с медикаментами. Где что лежит, я помню, ведь схема укладки войной воспитана, так что с детства, можно сказать, всё тут знаю. Мама меня пару часов по вызовам поводит, а тётя Люба из Катюши все подробности да и вытряхнет, а потом со мной разговаривать станет. Она меня уговорит, ведь умеет наша старшая медсестра именно уговаривать. Скольким она подарила волю к жизни — не перечесть, потому и уважают её очень.

— Ага, здесь уже, — кивает мама, усаживаясь на переднее сидение. — Давай, Витя, набережная Мойки, шесть.

— Есть, — коротко отвечает ей шофер, и карета скорой помощи срывается просто с места.

Неотложную помощь, больше детскую, в прошлом ещё году передали в поликлиники, поэтому у мамы случаи серьёзные остались. Да и не зовут машину просто так, а только когда речь о жизни и смерти идёт. А мама пока рассказывает, в чём дело: перевязочный и шовный нужно брать, потому как о сильном кровотечении сообщили. В сюрприз времён войны я не слишком верю, разве что на окраине, а вот тут, у нас, сильно вряд ли.

— А что нас-то? — интересуюсь я у мамы, которая для меня сейчас товарищ доктор и никак иначе.

— А нет больше никого, — вздыхает она, на мгновение задумавшись. — Действуешь быстро, спокойно, вниматель-

но. Вопросы?

— Нет вопросов, — качаю я головой.

Если никого больше нет, значит, все на вызовах, даже резервные машины, а это так себе новости. От дорожно-транспортного до нехороших вещей может значить, вроде массового отравления, например, хоть и не было такого давно. Автомобиль тем временем поворачивает направо, и я уже даже из салона вижу, в чём дело — на открытый перелом похоже. Год назад меня бы замутило, а сейчас уже нет...

— Вперёд! — командует мама, едва только автомобиль останавливается.

И я с тяжеленным ящиком для медикаментов выскакиваю наружу, а мама в это время допрашивает милиционера о том, что случилось и когда наложен жгут. Я же понимаю — надо перевязывать, собирать, фиксировать, а оперировать будут уже в больнице. Руки мои сами знают, что делать надо, шина в наборе есть, бинт тоже. Работаю я быстро, внимания на стоны не обращаю. Стонет, значит, жив.

— Можно! — выкрикиваю я, и шофёр выдёргивает уже носилки.

Мы перекладываем пострадавшего, затем я помогаю тащить жутко тяжёлое тело. Но тут я сама виновата — помощи не попросила. Вот он уже в машине, я падаю рядом, контролирую сердце и дыхание, а карета скорой помощи к ближайшей больнице уносится.

— Ну как, пришла в себя? — неожиданно спрашивает ма-

ма.

— Да, — киваю я. — Как ты говоришь, потом поплачем.

— Правильно, — соглашается она со мной. — Отлично всё сделала, на пятёрку.

И я расплываюсь в улыбке. Мамина похвала очень много значит, дороже всего она, потому что редкая. Она ценит чёткость, организованность и дисциплинированность... Но на самом деле мама просто спряталась в этом от горя своего страшного. Я бы не поняла, но тётя Люба мне это ещё когда объяснила... Вот поэтому я сейчас радуюсь, а затем мы доставляем пациента в больницу, причём докладываю и я, и мама, за что нас благодарят.

— Сейчас заберём Катю, и поедете домой, — информирует меня мама. — Вам завтра в школу, а мне нет.

— Это точно, — вздыхаю я, стараясь не думать о том, что увидела в кино.

Мне это надо пережить, ведь никогда я таких фильмов не видела — будто окно в военный год оно, а не просто бегающие картинки. Как они только смогли так? Младше же меня ребята, а показали мне город таким, каким я его и не видела никогда. Всё-таки большие герои они, Антонова и Степанов из шестого «Б» класса, очень даже. Надо будет им спасибо сказать как-нибудь. Обязательно!

Вторая подстанция

Я рассказываю маме о фильме. Мы сидим в столовой за чашкой чая, и я говорю про то, как двое школьников во сне оказались в далёком году. О блокаде, о том, как делились хлебом, как прикрывали больницу имени Раухфуса от самолётов. Я рассказываю маме, и она кивает, потому что понимает, что именно я чувствую. А я не очень понимаю, почему так расплакалась.

— Это же фильм, а я разревелась, как маленькая, — вздыхаю прямо в чашку.

— Потому что папу тебе хочется, — кивает мама, задумавшись о чём-то. — Я...

— Нет, мама, — качаю я головой, отлично поняв, что она хочет сказать. — Ты его любишь даже мёртвого. И я люблю, так что не надо говорить это.

— Всё понимающая моя, — она обнимает меня, заулыбавшись.

Конечно, школа гудит. И корреспонденты, и много ещё кто приезжают, потому что двое шестиклассников мгновенно стали известными на весь Советский Союз. А ещё же есть другие артисты, и каждому прохода не дают. Так что не слишком просто им живётся. А я возвращаюсь к привычному распорядку: учёба, ну а потом к маме на подстанцию. Не каждый день, конечно, хотя желание у меня как раз на каж-

дый, но тут ничего не поделаешь — учёба.

Сегодня, например, у нас воскресенье, и я с мамой на весь день. Прямо с утра и ухожу на подстанцию. Катя с родителями в Летнем и меня тоже звали, но я лучше попрактикуюсь, заодно лишние мысли из головы выброшу. Я постепенно беру себя в руки уже, хотя сегодня мне папа снился, живым снился, будто и не было ничего, а он со мной с детства. Жалко, что это неправда, я проснулась, а вся подушка мокрая просто от слёз.

Всё-таки очень сильный фильм, а говорят, и продолжение снимут, так что возможность поплакать ещё будет. Надо брать себя в руки, надо... Мама с раннего утра на работе, и я сейчас одна иду вдоль проспекта. Если Степанова не так жалко — он мальчик, то Антонову очень даже, ведь ей ошибаться просто нельзя. О них теперь по их героям судят и ученики, и учителя, а они люди, дети... Наблюдая происходящее немного со стороны, я понимаю, что подобного мне хочется несильно.

Вот и улица Марата, на которой подстанция наша расположена. Мамину машину я вижу издали, ускорив шаг. Падает лёгкий снежок, но погода, можно сказать, тёплая, утром градусник всего минус пять показал. Движения у подстанции нет, что в целом хорошо, потому что если мама прямо из-под носа уедет, будет очень грустно. Вот и привычное здание, я тяну дверь, попадая сразу внутрь.

— Вот и Дашенька, — улыбается тётя Люба, сразу же ме-

ня заметив. — Сейчас твою маму с совещания отпустят, и поедете вы ленинградцев спасать.

— Здравствуйте! — я ей радуюсь, конечно. — А мама против не будет?

— Иди-иди, — смеётся она. — Не будет она против. Танька с хахалем допоздна гуляла, вот и простыла, так что будешь у Веры медсестрой.

— Ой, — реагирую я, потому что действительно выходит, что нет у мамы выхода: Таня — её медсестра. И я спешу сменить шубку на полушубок, халат не забыть, проверить ящик для медикаментов ещё. Ну и моя сумка постоянно на боку, конечно же.

Мама появляется внезапно. Вот только что не было её, и в следующий момент сбегает она по ступенькам. А я как раз рассказываю тёте Любе, что не вижу пакета родовспоможения, а она смеётся, хотя почему, я не понимаю — вся комплектность должна быть, так в инструкции написано.

— Родовспоможение педиатрии передано, — сообщает мне мама, подходя поближе. — Здравствуй, дочка. Хорошо, что ты тут, топай в машину.

— Да я уж знаю, — киваю ей и, подхватив тяжеленный ящик, отправляюсь к ждущему нас автомобилю.

— Юная санитарка, — улыбается дядя Виталий, кинувшийся мне помочь.

— Спасибо, — благодарю его, устроившись внутри.

Тут и мама появляется, держа в руке карточку вызова. Их

совсем недавно ввели для удобства, потому что отчёты же писать потом надо, а с карточкой проще, ведь автомобиль может долго на подстанцию не возвращаться. Мама усаживается, захлопывая дверь, и показывает карточку шофёру. Мотор заводится, и, порывивая им, машина отправляется на вызов.

— Мы скоро переезжаем, — сообщает мама больше мне, потому что шофёр-то знает. — Машины будут радиофицированы, появится и диспетчерская.

— А вас в начальники? — интересуется дядя Виталий.

— А меня в начальники, — согласно кивает мама. — Так что работы будет много и у Дашки тоже.

— Ура! — радуюсь я, ведь мамины слова значат многое.

Подстанция расширяется — это раз, переезжает на новое место — это два, будут радиостанции, как на других, — это три, и мама начальником всей подстанции сделается. Много очень, по-моему, хороших новостей. Ну ещё мамина фраза означает, что и меня совершенно точно на работу возьмут. Я и так-то не сомневалась, но вот теперь совсем уверена, отчего радуюсь.

— Даша общается с родителями, я занимаюсь ребёнком, — командует мама, когда автомобиль останавливается.

Тут я даже в первый момент пугаюсь — общение с родителями пациента... Непросто это, ведь они испуганы, нервничают, могут выдавать желаемое за действительное, а мне нужно точно установить, что именно случилось и почему.

Это очень непросто, ведь они и до истерики могут довести, тётю Таню однажды так и довели. Хотя вот ей как раз на скорой работать, по-моему, не нужно. Разве что в больнице, потому что думать быстро она не умеет.

— Здравствуйте, — сдержанно улыбаюсь я заламывающей руки матери ребёнка шести лет, которым занимается мама. — Давайте поговорим, пока доктор спасает вашего мальчика. Скажите, пожалуйста, когда это началось?

Тут важна постановка вопроса — проблема может быть хронической или же начаться задолго до нашего вызова. Люди часто не сразу обращаются к врачу, считая, что само пройдёт или рассосётся. Вот мать мальчика начинает описывать, и мне почти сразу становится понятно, что именно она себе в голове нарисовала, но это вовсе не значит, что она права, ведь тётя точно не врач. И я начинаю её серьёзнее расспрашивать, уводя от вбитой себе версии, ставя вопросы так, чтобы она в противоречие с самой собой входила. А женщина нервничает, того и гляди поколотит, по крайней мере так оно выглядит. Года два назад я бы сразу забоялась, но теперь нет. Опыт уже появился, я давлю интонациями, говорю монотонно, убирая вообще все эмоции из голоса и копируя того врача из Раухфуса, которого в фильме показали. И это работает!

***

Резкий вскрик упавшего с каната одноклассника будто

что-то переключает во мне, заставляя кинуться к нему, подхватив санитарную сумку. Туда же спешит и учитель, но я быстрее. Увидев, как лежит Сергей, так зовут мальчика, я начинаю работать — поражена нога. Выпрямить, оголить, осмотреть. Перелом или сильный ушиб, но для первой помощи принципиально. Шины у меня в сумке есть, а если не было бы, существуют другие методы.

— Не мешайте работать, товарищ учитель, — строго говорю я сунувшемуся было Фёдору Михайловичу, он у мальчишек физическую культуру преподаёт.

— Но... — он явно хочет что-то сказать, но у меня уже опыт.

— Озаботьтесь вызовом скорой медпомощи, скажите — подозрение на перелом лодыжки, — сообщаю я ему приказным тоном, копируя маму. — И не мешайте!

— Есть, — отчего-то по-военному реагирует он, убегая.

А я накладываю шины, зажимая повреждённое место, и начинаю бинтовать. В больнице разберутся, что у него именно случилось, пока что я предполагаю худшее из возможного, привычно уже оказывая помощь. Бинтую, разговаривая со стонущим одноклассником как с очень маленьким, отчего стонать он перестаёт.

— Ножка у Серёженьки болеть перестанет, — заканчиваю я перевязку. — И побежит он снова по дорожке. А сейчас доктора умные приедут да заберут его на машинке кататься.

— Даша, здравствуй, — приветствует меня дядя Витя, он

второй доктор на подстанции маминой. — Что тут?

— Перелом малоберцовой или сильный ушиб, но я больше за перелом, — отвечаю ему, складывая остатки бинта. — Использовано две шины и бинт, повязка фиксирующая.

— Умница ты, права Вера Максимовна, — кивает он, соглашаясь с моим мнением. — Тогда мы в травму, а ты на уроки. На подстанцию зайди, компенсируем тебе перевязочный.

— Есть, — улыбаюсь я, вставая на ноги.

Меня, конечно, поблагодарили после характеристики врача скорой помощи. Ну а то, что я говорила жёстко, Фёдорову Михайловичу скорее понравилось. В отношении всего остального можно быть спокойной — в сиянии славы шестиклассников мои действия и не заметил никто особо, потому слухов не будет. Доказывай потом, что имела право, ведь, по сути, возит меня с собой мама не слишком законно. Хоть бери и прибавляй себе возраст, как в войну было.

— Ну ты даёшь! — подскакивает ко мне Вика, а вот Катя только улыбается, она знает, на что я способна.

— Да ну, ничего особо важного не случилось, — отмахиваюсь я, спокойно отправляясь переодеваться. — Обычное дело.

— Быть тебе врачом, Дашка, — улыбается Катюша, пока мы на физику идём.

— Всё-то ты обо мне знаешь, — хихикаю я, глядя на то, как собирается шестой класс вокруг своих командиров. Вот

бы нам так...

На уроках я задумчива, потому отвечаю почти автоматически, не особо задумываясь, что наши учителя видят. Седьмой класс выпускной, нужно иметь отличные отметки, чтобы в медицинский техникум поступить. А вот куда потом, уже надо думать, потому что мне комфортнее с детьми. Возможно, это потому, что и сама ребёнок, а как подрасту, так и изменю своё мнение. Но вот в техникуме я уже смогу работать санитаркой, а потом и медсестрой. А там институт и, наверное, всё-таки скорая. Очень мне нравится быть на острие, как мама говорит.

Фильм у ребят здоровский получился, да и узнала я многое в нём. Вот только что было бы, если бы их ранили? На батарее у ребят медсестёр я не заметила, а по штатному расписанию они быть должны. И хоть мелькнула у меня мысль предложить им это, но прогнала я её — у них желающих и так очень много, вот и не стоит. Да и смогу ли я? Ведь у меня нет такого таланта, совершенно точно. Да и не надо оно мне, на самом деле.

Трудно быть рядом со знаменитостями и не помечтать немного, но я умею брать себя в руки. Вот и последний урок заканчивается. Портфель в руку, санитарную сумку поверх шубы и... Домой, наверное, сначала. Затем надо к маме на подстанцию — шины-то я использовала, больница отдаст, но не мне, а врачам скорой помощи, значит, нужно отнять.

От школы до дома двести метров. Распростившись с по-

другами, прохожу это расстояние, дальше лестница и наша квартира. Мы могли бы здесь быть счастливы с папой, но война решила иначе, и я теперь — всё, что от него осталось. Ну, кроме фотокарточек. Тоскливо на душе, на самом деле, хоть я и привыкла. Ничего со смертью не сделаешь, просто совсем ничего. Можно чуточку поплакать, но это потом, перед сном, наверное. Сейчас я иду на кухню, чтобы разогреть себе обед, ведь потом отправлюсь я на подстанцию.

Разбередил мою детскость этот фильм, как никто другой. И теперь я нет-нет да и возвращаюсь к этой мысли — что, если... Несмотря на то, что не может такого случиться, надежду никак не убить. Кстати о надежде — заявление в комсомол подать необходимо. Не потому, что возраст, а потому, что так правильно. Вот какое у меня ощущение. В понедельник схожу в комитет комсомола.

Разогрев суп и второе, отрезав себе кусочек чёрного хлеба, я сажусь за стол. Белую булку не особо привечаю, ведь для меня привычен именно чёрный хлеб. В Ленинграде в войну другого и не было. Мама рассказывала, что был он страшно горьким, и я верю ей, конечно. А сейчас просто наслаждаюсь удивительно вкусной едой, стараясь не думать больше ни о чём. Ну нельзя прошлое изменить, хоть и хочется иногда просто до слёз.

Ничего, я это один раз уже пережила, переживу и второй. У меня так бывает — надежды какие-то появляются, мечты странные. От первого ко второму перехожу, думая о том, что

послезавтра контрольная по алгебре. Надо будет повторить её, чтобы не ошибиться в чём-то очень простом, как иногда бывает. Отметки должны быть отличными, потому что я так решила. Мама, кстати, говорит, что такое решение не совсем правильное и может вызвать неприятности со здоровьем.

Тут я согласна, но всё равно мне самой очень нужно быть самой-самой, чтобы все знали: хоть папа погиб, но я достойна его памяти! Хотя бы так... Однажды я стану хорошим врачом, выйду замуж, у меня будет сын, которого я назову папиным именем, чтобы был он таким же, как папа — честным, смелым и очень светлым, ведь его любит мама. Даже спустя много лет она всё равно любит только папу. Ну и меня, конечно, как же иначе?

Всё, пора собираться на подстанцию, потому что у меня некомплект в сумке, а это очень плохо, я знаю.

Сниматься в кино

Мы едем по Кировскому проспекту после вызова, я задумчивая, но и уставшая уже, и вот тут нас милиционер останавливает, что удивляет, конечно. По правилам, даже если нарушаем, не всегда остановят, разве что потом беседу проведут с шофёром, но дядя Виталий прижимается к обочине, отчего и мама просыпается.

— Извините, товарищи доктора, — начинает постовой милиционер, что меня удивляет ещё больше. — Не могли бы вы к «Ленфильму» подъехать, что-то случилось у них?

— Сейчас будем, — кивает мама, и автомобиль срывается с места.

До киностудии совсем недалеко, но я и не думаю о том, что это «та самая» киностудия. Что-то случилось — мы поможем, а думать и мечтать после буду. И вот автомобиль наш резко тормозит у дверей, в которых мгновенно появляется полный низенький мужчина без верхнего платья. Я выдёргиваю ящик, дядя Виталий раскрывает задние двери, готовя носилки. Иду за спешащей вперёд мамой.

— Виктор Саныч неудачно зацепился, — тараторит мужчина. — На него осветитель упал.

— Ясно, — кивает мама. — Даша, травма конечности, работаешь сама.

— Есть, товарищ доктор! — отвечаю ей, ничуть не засо-

мневавшись. Мама всегда права.

— Юная какая медсестра, — удивляется кто-то, но я уже вижу пациента.

На ярко освещённой и изображающей, по-моему, Некрасовский сад площадке внутри здания лежит мужчина. Тощий, длинный, но не так чтобы сильно старый. На лице его страдание, держится за ногу... Везёт мне на ноги! Я вмиг оказываюсь рядом, быстро спрашиваю, где болит, замечаю и кровь, отчего работаю по уже привычной схеме.

— Отошли от света! — командую я, когда на меня тень падает, мешая разглядеть место перевязки. Работаю быстро, потому через совсем короткое время пациент готов. — Можно! — подаю я сигнал маме.

— Девочка... — пациент смотрит на меня не отрываясь. — А ты хочешь сниматься в кино?

— Бредит, что ли? — удивляюсь я. — Мама! Его по голове не били?

— Нет, Даша, только по ногам, — смеётся мама, подавая знак дяде Виталию.

Но меня всё равно очень просят назавтра приехать на «Ленфильм», и, переглянувшись с мамой, я соглашаюсь. Ну от меня не убудет, а сказать нет я всегда успею. Тем более кто же не хочет в кино-то сниматься? Кстати, кажется, наших героев я видела мельком, но не до того мне. Усевшись рядом с пациентом, я проверяю его, а затем машина начинает движение.

— Спасибо за то, что согласилась, — благодарит неизвестный мне киношник. — Я...

— А толку-то, — вздыхаю в ответ. — Нет у меня таланта, как у Антоновой и Степанова, значит, смеяться будут. А я врачом буду, мне нельзя.

— Не будут над тобой смеяться, — уверенно отвечает он. — А чтобы тебя убедить... Можешь придумать историю, что будет очень близка тебе?

— Чего её придумывать, — вздыхаю я, рассказывая вариант с таким же сном, что и у ребят было, только на Волховском фронте, чтобы спасти самого близкого на свете человека.

— Ого... — он задумывается. — Знаешь, приходи завтра. Думаю, у нас будет что тебе предложить и как убедить. Ты в какой школе учишься?

— В той же, что и товарищи сержанты, — смеюсь я.

— То есть наблюдаешь регулярно, — кивает он, а потом буквально выстреливает вопросом: — И не завидуешь?

— Чему там завидовать, — пожимаю я плечами, — им же прохода не дают, а мне учиться надо. Я хотела им предложить на батарею медсестру, но передумала.

Он улыбается как-то загадочно и ничего не говорит. На самом деле в то, что меня возьмут сниматься в кино, я не верю. Для этого нужен талант большой, а его у меня, я совершенно уверена, нет. Товарищи быстро это поймут и прогонят меня, а я поплачу немножко, конечно, чтобы ни видел

никто, и буду дальше идти к своей мечте, только и всего. Да, так и будет.

Мы доставляем товарища в больницу. Я ещё замечаю, что голову ему проверить стоит, ибо кажется мне, что несерьёзно он предлагает, то есть посмеяться хочет, мама же меня успокаивает, обнимая. Она всё хорошо понимает и будто умеет мои мысли читать, но обещание я, можно сказать, дала, а слово своё держать нужно.

Я бы и забыла о нём, на самом деле, но на следующий день меня прямо у школы машина ждёт. Правда, я не знаю, что она именно меня ожидает, желая спокойно пройти мимо. Чёрный «ЗИС» с надписью «Киностудия» — какое я могу иметь к нему отношение?

— Товарищ Савельева, — слышу хорошо всем известный голос Антоновой из шестого класса, ну, которая знаменитая уже. — Прошу в автомобиль.

Обернувшись, я натываюсь на её строгий взгляд и понимаю: передо мной командир стоит. И её нельзя просто проигнорировать, поэтому я, всё ещё сильно удивлённая, пытаюсь объяснить знаменитым ребятам, что они меня с кем-то явно перепутали, на что Антонова только улыбается.

— Ты вчера приезжала к помощнику режиссёра, — напоминает она. — А сегодня он сбежал из больницы и всех поднял на ноги, каждую минуту спрашивая, не пришла ли ты.

— Точно так, — кивает улыбчивый шофёр на её слова. — Поэтому приказано доставить вас на киностудию, чтобы не

сбежали. Хотя кто же бежит от кино?

— Вот она может, — серьёзно отвечает ему Степанов, который второй знаменитый. — Ещё как может, и я товарищей понимаю. Так что в машину, товарищ медсестра. — В его голосе прорезается сталь, и я, даже не вполне сообразив ещё, что происходит, выполняю приказание.

— Наверное, это всё же ошибка, — вздыхаю, усевшись на заднем диване.

— Нет никакой ошибки, — качает головой товарищ Антонова. — У нас впереди серии сорок третьего и сорок четвёртого. Сильные обстрелы, бомбёжки, а на батарее нет медсестры, и просто кого-то туда не возмёшь. Возраст, понимаешь?

— Понимаю... — удивлённо отвечаю ей, хотя именно об этом я вчера в разговоре упомянула. — Но...

— Я тоже вначале отказаться хотела, — сообщает мне Маша Антонова. — Но Алёша был не против, вот так и вышло. Так что сейчас на тебя посмотрят, а ты сама ничего не теряешь. Ведь у тебя нет желания сниматься, несмотря ни на что?

— Нет, мне учиться надо, — качаю головой. — А вы талантливые очень, я во время и после фильма плакала, как никогда в жизни.

И вот тут они меня вдвоём вполне по-дружески обнимают, вот только отчего-то на душе сразу тепло становится. Как будто... Даже сравнения такого нет. Так только тётя Люба умеет, но у неё опыт огромный. Теперь мне понятно, поче-

му этих двоих действительно командирами принимают, не возражая даже. Я бы тоже не против была, положила руку на сердце.

***

В костюмерной командует Маша. Её слушают сразу же, а у меня своего мнения на эту тему нет. Хотят меня сразу же переодеть, что в целом логично, раз уж фильм про войну будет. Шестиклассники в своей форме, ну и я... Мне протягивают летнюю, показывая, где переодеться можно, и спустя несколько минут я выхожу из раздевалки в форме сорок третьего, кажется, года, с погонями уже. Зелёное поле, красный кант... Медицинские они у меня, что радует, конечно, но и объясняет многое.

— Ефрейтор медицинской службы, — задумчиво произносит сержант Степанов. — А не мало?

— Санинструктор же, куда ей больше? — пожимает плечами Маша Антонова. — Пойдём, ефрейтор Савельева, разговаривать будем.

Эту фразу я не очень хорошо понимаю, но послушно иду, куда сказали. И приводят меня в павильон, причём у меня ощущение такое, как будто они тут главные, хотя это совершенно точно не так, киностудия же. Но им идут навстречу и совершенно не возражают.

— Виктор Саныч! — обращается Маша к давешнему пациенту, выделяющемуся загипсованной ногой. — Мы её сна-

чала у себя попробуем, а потом делайте с ней, что хотите. Согласны?

— Согласен, согласен, — кивает, как я уже знаю, помощник режиссёра.

— Теперь ты, ефрейтор Савельева, — Алексей смотрит мне прямо в глаза, отчего я даже против воли вытягиваюсь в стойку «смирно». — Ты на фронте. Сейчас сорок четвёртый год. Ты видишь упавшего бойца и знаешь — это он, тот, кто тебе очень важен. Надо спасти его и не погибнуть самой, потому что кто же его до санбата дотащит. Вопросы есть?

— Нет вопросов, — я качаю головой, понимая, что он задумал.

— Виктор Саныч, звуки боя, свет и камеру, — просит помощника режиссёра Маша. — И врача на всякий случай.

— Скорая уже готова, — отвечает он.

И вот затем я получаю сумку санитарную, проверяю её, но внутри нет ничего, поэтому я туда свою засовываю и ложусь на землю. Становится очень шумно — взрывы, крики, какой-то вой. Я сначала пугаюсь, а затем успокаиваюсь — кино же. Но вот кто-то падает, и я послушно представляю, что это папа. Тот мой погибший папа, которого я могу спасти, иначе он истечёт кровью. И в этот момент мир будто выцветает, я и сама не понимаю, что делаю, но ползу изо всех сил, я спешу, ведь это очень важно и...

— Стоп! Снято! — резко, буквально выстрелом звучит команда, и все звуки исчезают, а я вдруг понимаю — не успе-

ла...

Но меня уже обнимают ребята, возвращая обратно, тор-мошат, отчего я беру себя в руки, не позволив себе распла-каться. Изо всех сил держусь, а меня обнимают две пары рук. Я смотрю в понимающие глаза своего командира и осознаю: мне теперь придётся переживать это. Выдержу ли я, вот в чём вопрос?

— Просто феноменально, товарищ ефрейтор! — ко мне подбегает режиссёр, сразу же заглядывая в глаза. — Врача, может?

— Я справлюсь, товарищ режиссёр, — отвечаю, оконча-тельно взяв себя в руки.

— Мы её берём, — спокойно произносит Маша, приня-тая уже командиром. — Но стоит по мотивам нашего сделать ещё один — специально для неё. Даша расскажет свою меч-ту, а мы все будем писать сценарий. Правда, Лев Константи-нович? — спрашивает она кого-то.

— Молодец, сержант Маша, — хвалит её... мамочки! Это же известный детский писатель, его книги и у меня дома есть — да у всех они!

Я замираю ошарашенно, но у съёмочной группы уже воз-никает желание работать, поэтому они... Вызывают мою ма-му по линии скорой помощи. Я и не знала, что у них такие возможности есть. Но пока утрясаются формальности, меня ведут знакомить. Я буду играть санинструктора в третьей се-рии. Для этого мне форму выдают новую, но с петлицами,

и я понимаю почему — в Ленинграде пока на погоны перешли...

— Кроме того, в этой форме можно ходить по улицам, ну и заниматься на «военном деле» тоже, — объясняет мне товарищ Степанов. — Товарищ режиссёр выдаст бумагу, которая от милиции защитит, если вдруг возникнут вопросы. Это понятно?

— Это понятно, товарищ сержант, — киваю я, принимая его в соответствии с погонями. Ну и ведёт он себя соответствующе, как будто право имеет, поэтому обращение у меня само собой получается.

Но на этом дело не заканчивается. Неожиданно для себя я оказываюсь в отдельной комнате, тут же и Маша сидит, а больше никого. И вот она меня спрашивает о том, кого именно я представила упавшим. Мой рассказ заставляет её задуматься, а потом чему-то кивает.

— Проводить тебя через такое неправильно, — негромко сообщает она. — Ты не выдержишь просто. Поэтому я предлагаю так... Снимаешься с нами, а отдельный фильм будем обдумывать, когда основные съёмки закончатся. Тебе хватит, можешь мне поверить.

— Я верю, — улыбаюсь в ответ. — Видела, какие вы замученные и без всенародной любви.

— Вот и договорились, — кивает она. — Сейчас твоя мама подпишет, что положено, получишь комплект формы и будешь в ней как можно чаще двигаться, чтобы привычной

была. Понятно?

— Понятно, — соглашаюсь я, ну а затем она меня уводит туда, где мама...

Мама сидит на диване, и стоит ей меня увидеть... В мгновение ока оказываюсь я рядом с ней, обняв, потому что она сейчас плакать будет. И вот так мы на несколько минут замираем, а мои командиры рассказывают товарищу режиссёру, что теперь будет. Несмотря на то, что форма мне более-менее впору, они уговариваются сначала подогнуть её, но потом Алексей что-то вспоминает, и вот затем я вижу хитрую Машину улыбку.

Не знаю, что они задумали, но, думаю, узнаю, ведь с послезавтра начинаются съёмки. Ну как съёмки... Меня знакомят с другими актёрами, а их со мной, потом будем читать и критиковать сценарий все вместе, и только затем всё и начнётся. То есть на подстанцию успевать я не буду — или буду, но не каждый день. Жалко, на самом деле, но мама мне говорит, что так правильно.

Как её сумели так быстро убедить, я не знаю, но, наверное, так и должно быть. Кроме того, я ребят очень быстро командирами восприняла, как в сказке прямо. Это для меня не слишком обычно, поэтому дома с мамой я обязательно поговорю. Не очень мне кажется привычным моё же поведение, и насколько оно такое нормально, я не знаю.

Но вот положила руку на сердце, ощущения во время съёмки пробы мне очень помогли. Грусть куда-то смыло, появи-

лась внутренняя решимость, как будто я надежду какую получила. А может, и получила, трудно же сказать. Так что теперь надо оправдать высокое доверие, ведь фильм у нас очень непрост.

Необычное кино

Завтра нас вывезут на полигон для лучшего слаживания, пока что меня гоняют строевым шагом и воспитывают рефлексy, ведь я не просто санинструктор, а должна понимать армейскую дисциплину ещё. Ну и актёры, меня так радушно принявшие, тоже привыкнуть ко мне должны. А сейчас я в своей форме сижу с мамой, попивая чай. Несмотря на начальное неудобство штанов, постепенно к ним привыкаю. Ползать в них действительно удобнее, нет ощущения, что юбка задирается выше ушей.

— А всё же, мама, почему ты согласилась? — спрашиваю, намазывая масло на кусочек чёрного хлеба.

— А потому, дочка, что это нужно тебе, — вздыхает она. — Кино сделает тебя сильнее, а кусочек славы подарит уверенность в себе.

— Не помешает ли это мне доктором стать? — интересуюсь я озабоченно.

— В чём-то даже поможет, — улыбается мама. — Ты поймёшь почему. А пока отправляйся отдыхать, у тебя завтра длинный день, несмотря на то, что воскресенье.

Да, завтра воскресенье. Шила в мешке не утаишь, но пока получается скрывать тот факт, что я снимаюсь в кино. На следующей неделе военное дело, и вот там уже совершенно точно не получится — будут меня гонять товарищи сержан-

ты, пока не взопрею, Маша со свойственной ей ехидцей уже предупредила. Так что на следующей неделе все и узнают. А пока что мне нужно отдыхать. Завтра будет и бег промеж взрывов, хотя я даже не представляю, как это получится сделать... Но командиры говорят, что сюрприз будет, вот и буду бегать, куда деваться?

Отправляясь спать, я совсем не думаю о съёмках, потому что уроки надо будет успеть приготовить. Правда, они сделаны. Маша — настоящий командир, так что приготовлены уже уроки, но нужно же повторить ещё, а потом Кате рассказать, хотя она, по-моему, и так догадалась. На самом деле, можно было бы её вместо меня, но она никогда не согласится, потому что её папа против всякого кино. Смотреть — да, а «кривляться», как он говорит, — нет.

Звонит будильник, а меня ждёт форма. Пока с петлицами, у нас конец сорок второго, кажется, по сценарию — штаны обычные, штаны ватные, в которых жарко будет, но так надо. Гимнастёрка, полушубок и санитарная сумка. Она выглядит военной — из прошедшей войны, в смысле, не знаю, откуда командиры её достали, но всю комплекцию я тщательно проверила. Растолкла таблетки в порошки и надписала, и сами порошки, конечно. Ещё там же есть соль бензилпенициллина, которой в годы войны точно не было, но сейчас стоит иметь, просто на всякий случай. А в остальном сумка упакована по стандарту войны, мама проверила.

Одевшись, выхожу к завтраку, встречая мамину улыбку.

Она действительно рада за меня, я вижу. Наверное, поэтому моё настроение стремительно вверх ползёт и грустить я перестаю. После завтрака я уже улыбочивая, припоминаю, о чём думала, когда проснулась.

— Мама, я убегаю, — сообщаю ей, обняв на прощание. — Пожалуйста, посмотри мне книги по ранениям и контузиям, если есть. Надо же мне знать, как правильно помощь оказывали.

— Приготовлю, дочка, беги скорей, — улыбается она, потому что с улицы уже и гудок нетерпеливый доносится.

Поцеловав её, быстро сбегая по лестнице, по-моему, ошарашив Марину Витольдовну, она наша соседка сверху. Да и то — больше десяти лет, как война закончилась, а тут мимо проскакивает соседка в форме, ещё до погон которая была, да быстро так! Я же запрыгиваю в поджидающий уже меня автомобиль. В нём обнаруживаются и командиры, с которыми я радостно здороваюсь.

— На полигоне товарищей офицеров спросим в отношении званий, — озабоченно, как мне кажется, произносит Маша. — Кажется мне, что мы неправы.

— Да, — вздыхает Алексей. — И насчет введения погон надо уточнить. Потому что приказ приказом, а Ленинград—город-фронт, и кто знает, как тогда было.

Вот об этом я не подумала, кстати. На фотокарточке, где папа в том январе улыбается, он с петлицами, так что вполне возможно, новую форму до лета и не успели совсем, а я

уже разбежалась. Но тем и лучше — с петлицами я милицию не заинтересую, как мне объяснили, заодно и научусь носить штаны эти... Не самые они удобные и всю красоту, по-моему, портят.

— Значит, я правильно одета, — улыбаюсь в ответ. — Соседку вот шокировала...

— Это бывает, — хмыкает Маша, о чём-то задумавшись. — Сейчас товарищей офицеров спросим, приведём форму в порядок и будем учиться. Кстати, у тебя со школой нормально?

— Нормально, — уверенно киваю я. — Пока ещё никто не знает.

Ребята весело смеются, вполне оценив юмор ситуации. Да, как только узнают, варианты могут возникнуть разные. Надеюсь, что зависти не будет, в нашем классе точно, а вот в других... Впрочем, мне всё равно только до конца года, три месяца, а там экзамены и училище, так что, думаю, не стоит опасаться ничего. Но учителя, конечно, требовательнее станут...

— Выгружаемся, — сообщает мне Маша, едва автомобиль останавливается. — И строимся.

— Есть, — говорю я, вылезая наружу. Правда, построится мне не удаётся — с машиной офицер обнаруживается, капитан, поэтому я «смирно» становлюсь, конечно.

— Так... ефрейтор, — задумчиво произносит он. — Она у тебя кто?

— Санинструктор батареи, пап, — спокойно отвечает ему Маша, успокаивая меня этим.

— Тогда младшим сержантом должна быть, а ты с Алёшей уже старшими, — назидательным тоном заявляет её папа. — Слепоглухонемых в штабе ПВО точно не было.

Некоторое время мы все заняты — приводим в порядок форму, а товарищ капитан объясняет мне, что звание у меня на фронте сержантское, потому что санинструкторы часто были вполне обученными медицинскими сёстрами, и, учитывая года, я уже не могу быть ефрейтором, даже несмотря на возраст. Задача в таком случае была бы просто не признаваться в отношении возраста.

— А как бы отреагировали на взявшегося из воздуха санинструктора? — не понимаю я, потому что только так же можно не признаваться.

— Ну, например, из другого санбата, — пожимает он плечами. — Помню, рассказывали, что на Волховском, бывало, и целые санбаты со всеми документами уничтоженными оказывались. Так что это не новость.

— Я-ясно, — тяну я, закончив с формой. Теперь я младший сержант и хочу видеть выражение лица товарища старшины в школе.

— А раз ясно — становись! — коротко приказывает Алексей, который мой комиссар уже.

Это в школе мы учащиеся, а вот здесь и на съёмочной площадке — батарея. Образцовая, между прочим. Правда, ка-

жется мне, что мы теперь навсегда образцовая батарея, как бы смешно это ни звучало.

***

Взрывы то ближе, то дальше, земля временами вылетает прямо из-под ног, и я падаю на грязный снег. Надо ползти, хоть и страшно очень. Слышу стрельбу совсем рядом, совершенно пугаясь и вжимаясь в землю, но ползу, ползу изо всех сил. И хоть знаю я — это учение всё, тренировка, но страшно мне всё равно. На экране война не такая страшная, а реальная, наверное, во много раз ужаснее была.

И вот я доползаю до траншеи, расслабленно ссыпаясь в неё. С шелестом взлетает ракета, а я просто прихожу в себя, хотя нужно идти получать замечания. Но вот идти как раз сил нет. В траншею спрыгивает Маша, молча обняв меня, отчего сразу становится спокойнее на душе.

— Испугалась? — с понимающими интонациями спрашивает она.

— Испугалась, — вздыхаю я, потому что так оно и есть. — Хоть знаю, что тренировка всё, но...

— Да, — кивает она, протянув кусочек хлеба. — Возьми хлебушка, легче станет.

И действительно, от вкуса хлеба становится спокойнее. Кажется, я начинаю понимать, отчего мама, да и командиры, называют чёрный хлеб «ленинградским». Он действительно наш. Но вставать надо, потому что у ребят батарей-

ная тренировка, а мне нужно уметь выдернуть наводчиков с их мест. Не то, чтобы в сценарии такое было, но это просто надо уметь, вот и пойду сейчас учиться со всеми.

— Так, товарищи, — это режиссёр выступает. Я вижу его, выбравшись из траншеи. Маша коротко командует, и перед ним строй выстраивается. Ну и я тоже, конечно. — Сегодня у нас десятое февраля. Завтра снимаем сцены сорок второго года, а вот затем нужен нам сорок третий. При этом всем быть в погонах.

— Вы всерьёз считаете, что нашим героям под бомбами и обстрелами больше заняться нечем было? — с иронией спрашивает его товарищ Степанов, наш комиссар.

— Я помню, что форму меняли как придётся, — вздыхает товарищ режиссёр. — Но тут политический момент, поэтому будем снимать так.

— Он прав, Алёша, — товарищ капитан вступает в разговор, тот, который Машин папа. — Приказ есть с января, ну а то, что в голодном городе были занятия поинтереснее, чем погоня менять, это оставим. Тут действительно политический момент.

Всё, что я понимаю: сейчас мы тренируемся, затем у нас эпизоды в петлицах, а потом будут в погонах, как раз незадолго до маминого дня рождения. Тут меня просто проинформировали, так что от меня никаких действий не требуется. Вопрос только, где именно будет съёмка, но это я точно потом выясню, а сейчас у нас тренировка и некоторые съём-

ки — ребята действительно стреляют. По «конусу». Это значит, что самолёт тянет аэростат в виде конуса или даже самолёта, а ребята на полном серьёзе его стараются сбить. Я и не знала, что кино — это так серьёзно.

Оказывается, что во время стрельбы ещё и снимать будут, поэтому следующие три часа у нас всех полны работой, а затем нас кормят и развозят по домам. Мне сегодня ещё нужно литературу прочитать и маму порасспрашивать. Есть у меня ощущение, что это очень нужно будет. Правильное чувство, на самом деле, потому что я же не только для съёмок — мне для работы будущей точно понадобится.

— Все отлично сегодня поработали, — хвалит нас всех Маша. — Со званиями мы определились, теперь ещё нужно хорошо подумать, что мы упустили.

— Товарищ командир, — ещё не выйдя из «образа», как это состояние актёры называют, обращаюсь я к ней. — А мы, выходит, постоянно на батарее сидим, как прибитые?

— Что ты имеешь в виду? — интересуется она.

— Воду принести, ведро помойное вынести, — начинаю я объяснять, потому что непонятно же, как дело обстояло. — Школа у нас напротив, больница тоже рядом, но патрули же, а мы в форме, да ещё и дети...

— То есть нужны документы, хоть как-то похожие на настоящие, и эпизод их проверки, — понимает она, — чтобы показать, почему шпионов и бандитов не было. Молодец, Дашка! Очень правильное предложение!

— А какие тогда могли быть документы? Если удостоверения, — я припоминаю услышанное, — тогда можно спросить зенитчиков, может быть, у них старые бланки остались и...

Я вижу, командиры наши задумались. А ведь мне просто мамины рассказы вспомнились о том, что патрули были, и много, особенно после прорыва блокады, потому что кто-то даже возвращался в город, привозя с собой и болезни, которых в Ленинграде не было. Скорая помощь тогда начала получать больше горючего и могла уже ездить на вызовы, а не только пешком ходить с саночками.

Автобус киностудии останавливается, мы прощаемся. Возле школы он останавливается, и я сразу же вижу Катю. Она стоит рядом со школой, поглядывая в сторону моего дома, поэтому на автобус не реагирует, а на выскочившую оттуда меня и совсем не успевает. Зато я налетаю на неё, принявшись обнимать. Рада я очень её видеть, и она вмиг улыбаться принимается.

— И когда ты хотела мне сказать? — интересуется Катя, а автобус уезжает в это время.

— За-а-автра, — признаюсь я, хихикнув. — Но ты уже всё узнала, поэтому идём ко мне в гости.

— Правильно, — кивает моя лучшая подруга.

И вот тут заметно, что занятия не прошли даром: подходя к дому, я, не задумываясь, приветствую милиционера, что Катю удивляет, а вот его как раз нет. Шедший куда-то мили-

ционер всё отлично понимает, ведь фильм он тоже смотрел, а увидев меня с петлицами... В общем, не сюрприз для него получается. Катя же торопится за мной в стремлении забросать меня вопросами, ведь ей всё интересно, особенно как так вышло.

Дома нас встречает мама и чай с бубликами. Я же скороговоркой рассказываю ей, что сейчас мы пока ещё с петлицами, а вот через неделю уже эпизоды с погонями сниматься будут, поэтому мне надо будет придумать, как показать вручную второпях пришитые погоны. Катька слушает, глядя на меня большими круглыми глазами, хотя форма на мне её не смущает уже.

— Дочь, ты ж ефрейтором уходила, откуда звание? — интересуется мама.

— Товарищ капитан сказал, — объясняю я ей, — что в сорок третьем санинструктор ефрейтором быть не мог.

— Правильно в общем, — задумчиво кивает она. — Идите чай пить, если не голодные.

— Меня на полигоне покормили, — отвечаю ей, — а Катю стоит. Пока будет есть, послушает мой рассказ и не будет сердиться.

Я шучу, и мама, и подруга мои отлично понимают, что я именно шучу, но Катька сразу же делает строгое лицо, как будто сердится. Мама смеётся весело, уходя на кухню. В то, что после полигона я сыта, она верит.

Там могут убить

О типах ранений, контузий и травм я читаю каждую свободную минуту. Это опыт прошедшей войны, очень важный, именно поэтому я и стараюсь запомнить как можно лучше, потому что в фильме мои действия и объяснения уверенными должны быть. Зачем это необходимо, я не понимаю, потому что на съёмках ничего такого вроде бы не требуется.

— Военное дело сегодня, — напоминает мне Катя. — Буквально сейчас.

Я тяжело вздыхаю и иду переодеваться. Так как занимаемся мы в зале, то форма у меня полевая летняя — петлицы, но штаны, ведь юбка положена в повседневной, а где на фронте носили повседневную форму младшие сержанты медицинской службы, я себе даже не представляю. Так что пока мне нужно школьную форму аккуратно сложить и не помять, да ещё влезть в свою полевую. Ну и сумку перевесить, конечно. Мало ли когда понадобится, вот как на физической культуре совсем недавно.

Переодевшись, отдаю школьную форму Кате, уже меня такой видевшей, и тяжело вздыхаю. Она с пониманием кивает, потому что в нашей школе да в такой форме на военном деле... Учитывая, что медицинская часть у меня сдана, то сейчас будет или шагистика, или чего интереснее, типа, доползи до колышка. Я просто представляю себе, что это не игра, а

так как меня уже по уставу погоняли, то, пожалуй, готова. Мне нечего стесняться, ведь я санинструктор, всегда готовая прийти на помощь.

И вот с таким настроением я делаю шаг из туалета, где занималась переодеванием, в раздевалке просто не хотелось. Слышу звонок и ускоряю шаг, пытаюсь вспомнить, куда мне нужно. До сих пор мы в кабинете занимались, девичьем, а вот где у мальчишек «военное дело», я и не представляю. Но тут я вижу Машу Антонову, сделавшую вполне понятный мне жест.

— Товарищ старший сержант! — начинаю я доклад, приблизившись строевым шагом. — Младший сержант Савельева для занятий явилась.

— Вольно, — кивает она, — пойдём, будем наводить удивление на боевых товарищей.

— И на товарища старшину, — смеюсь я в ответ. — Но у нас же классы разные?

— Двадцать третьего парад, — коротко объясняет она, и тут я задумываюсь.

Парады были прежде только в мужских школах, но с сентября прошлого года школы объединили, и мы снова все вместе. Это может значить, что девочек к параду тоже привлекают... Или, по крайней мере, нас. Впрочем, теперь понятно, чем мы сегодня будем заниматься. Тут вопросов быть не может, потому что к параду надо долго готовиться.

— Так, — увидев нас, вздыхает товарищ старшина. —

Полку сержантов прибыло. А давайте посмотрим... Младший сержант, постройте ваш класс.

Вот тут может быть серьёзная проблема — командовать я не умею. Зато я видела, как это делала Маша, слышала её объяснения. У меня есть приказ: построить молодое пополнение, скажем, санбата, в котором выбило всех, — я читала, так бывало. Нет ни знаний, ни умения, но им идти в бой. Буквально завтра идти, и я должна сделать всё возможное, чтобы они выжили. Вот так я себя настраиваю, хоть и сама не видела, что такое бой.

— Седьмой, становись! — громко, как могу уверенно, копируя Машу, командую я, не позволяя себе думать, что не получится.

— Ясно, — кивает товарищ старшина. — Старший сержант Антонова, берите младшего товарища, и гонять так, чтобы треугольникам соответствовала.

— Есть! — отвечает ему Маша. — Младший сержант Савельева, ко мне!

И вот теперь она мне разницу показывает, причём мне очень заметна эта разница, которая только талантом не объясняется. Мне так кажется, по крайней мере. Поэтому я учусь ходить строем и отдавать команды. Через полчаса на меня наши мальчишки уже с жалостью смотрят — их так не гоняют. А тут на меня с двух сторон командиры наседают, отчего под конец урока уже хочется расплакаться и забыть навсегда про всё кино.

— Очень большая ты молодец, — улыбается Маша, разрешив мне расслабиться и присесть на скамейку. — И терпения достаточно.

— И не расплакалась, — замечает Алексей. — Хотя явно хотела.

— Да, сильная у нас санинструктор, значит, всё получится, — кивает командир.

— Спасибо, — только и хватает моих сил поблагодарить.

Для нашего класса, конечно, большое удивление тот факт, что я в кино снимаюсь, но вот ожидаемой зависти нет. Ребята девочкам рассказывают, как меня гоняли командиры, поэтому реакция больше сочувствие напоминает. Это меня очень даже радует, потому что и так тяжело очень оказывается сниматься, а если ещё и завидовать начнут, то совсем грустно будет.

— А сейчас нам товарищ Савельева расскажет, почему подвиг «Молодой гвардии» может считаться равным подвигу бойцов Красной Армии на фронте? — обращается ко мне наша учительница, выдёргивая из размышлений.

И я поднимаюсь, чтобы спокойно и уверенно рассказывать о подвиге юных подпольщиков. И несмотря на то, что таких отрядов было немало, товарищ Фадеев написал только о них. И об этом я тоже скажу: вся страна, и взрослые, и дети, встали на борьбу с проклятыми фашистами, с теми, кто желал, чтобы нас просто не было. Никого на свете не было, поэтому никто не мог сидеть сложа руки. И вот когда я от

подвига молодогвардейцев перехожу к другим, я понимаю, что имела в виду в своей недавней речи старший сержант Антонова.

— Да, Дарья, влияние наших сержантов заметно, — оставливает меня учительница, улыбнувшись. — Очень чётко, но при этом эмоционально. Садись, пожалуйста.

Несмотря на мои опасения, учителя не начинают ко мне строже относиться, правда, тот факт, что учиться надо от-лично, никаких сомнений у меня не вызывает. У меня впе-реди медицинский техникум и служба, к которой я шла с детства. А на съёмочной площадке я могу хоть на чуть при-коснуться к папе. И хоть он далеко от Ленинграда, на Вол-ховском фронте, но мне кажется, что я прикасаюсь к нему, живому.

Я знаю, если бы в похоронке не было написано «погиб», мама искала бы папу, хотя она и так искала его. Но ничего не вышло, а я... Я надеюсь на то, что если меня увидит вся страна, получится найти хотя бы тех, кто видел, как он погиб. Потому что, читая всё больше литературы, я начинаю в этом сомневаться. При контузиях амнезия возможна, но... Мама действительно искала... И архив подтвердил, что он погиб, и...

Всё чаще я возвращаюсь мыслями к папе, на съёмках ду-мая о нём. Как будто возможно шагнуть в далёкий год или хотя бы сейчас проследить его путь. Как будто я могу что-то сделать, чего не смогла мама...

***

Она смотрит мне прямо в глаза. Машина мама, отчего-то пришедшая сегодня на съёмочную площадку, очень внимательно мне в глаза смотрит, и мне как-то не по себе от её взгляда становится. Мы сидим в небольшой комнате, а она только вздыхает. Только что закончились съёмки эпизода, в котором у меня роли не было, но я на площадке просто думала о том, что где-то рядом папа, в том году, о котором снимали сейчас.

— Ты понимаешь, что там могут убить? — вдруг спрашивает меня она. — Ты можешь не суметь достичь того, чего желаешь.

— На фронте всех убить могли, — не понимая сути вопроса, я тем не менее отвечаю по ходу съёмок.

— Героические дети, — вздыхает Машина мама. — Если тебе, скажем, приснится фронт, и ты будешь на нём, как здесь, в фильме, что скажешь тогда?

— Ну вот если приснится, тогда я папу спасу! — твёрдо отвечаю ей. — Потому что он должен жить, а я... Если он будет жить, тогда всё иначе случится!

— Ну, положим, не случится, — она качает головой, как будто знает что-то, но потом кивает. — Хорошо.

Отчего и зачем она решила со мной поговорить, я так и не поняла. Завтра у нас съёмки на полигоне, но не на обычном, а пехотном, потому что наш не позволяет делать панорам-

ных съёмок. Панорама нужна будет, чтобы показать сверху и сбоку и чтобы не мешал город, потому что это часть комбинированных съёмок. Режиссёр долго объяснял, но я сегодня плохо понимаю почему-то.

— Батарея, айда уроки готовить! — зовёт нас Маша, пока меняют декорации.

Это очень хорошая мысль. Мы, в принципе, всё вместе стараемся делать, ведь наша образцовая в фильме батарея стала и в жизни такой. Отличники мы все, что очень хорошо, потому что московские товарищи на это внимание обращают. Маша действительно настоящий командир, опытный, и тут дело не только в её таланте. И она, и Алексей будто знают и умеют намного больше нас. Есть ощущение такое, как будто они временами много старше нас.

Мы в студии вместе готовим уроки, при этом, если что-то непонятно, разбираемся тоже все вместе, библиотека на «Ленфильме» огромная просто, что очень даже помогает. А я всё думаю о странном разговоре, поэтому немного рассеяна. Заканчивается съёмочный день, мы разъезжаемся по домам. А я представляю себе, что оказалась в сорок четвёртом, чтобы спасти папу. Машина мама права: там могут убить, даже очень могут, и тогда я не смогу выполнить свою задачу. Значит, надо действовать так, чтобы не убили?

Любому понятно, что подобное, конечно, невозможно. Совершенно любому, и много думать о том не следует, но всё-таки моя мечта о папе такая... Самая-самая, можно ска-

зять. Ведь появишься он сейчас, мама такой счастливой была бы. Сидя в трамвае, я мечтаю о несбыточном. Мне не так страшно было бы оказаться в далёком году, наверное. Но всё же пора брать себя в руки и не мечтать уже о папе. Остался он в сорок четвёртом, вот что...

Домой я уже поздно вечером приезжаю, но мама будет только утром, у неё суточное дежурство, так что я сама готовлю ужин и усаживаюсь с книжкой за столом. Я сегодня читаю мемуары одной фронтовой медсестры о том, как было сложно с контуженными и намного легче с ранеными. Я и не подозревала, что разница настолько огромная была. Контуженные дёргались. бывало, и подвергали опасности санитаров.

Очень много информации в этих воспоминаниях, хотя медсестра не под Ленинградом воевала, а под Сталинградом, но всё равно мне интересно читать, потому что она написала их как повесть, ничуть не стесняясь естественных вещей, о которых я и не подумала. Хотя о помойном ведре вспомнила, ведь в туалет на батарее куда-то ходили?

Вздыхнув, решаю отправляться спать. Завтра у нас девятнадцатое число, а двадцатого уже и мамин день рождения. Надо придумать ей подарок, да и сделать своими руками. Хотя для неё лучшим подарком будет совершенно невозможный, о котором и думать не следует. Вот несмотря на то, что на фронте было очень страшно, ради того, чтобы жил папа и почаще улыбалась мама, я очень на многое пойду. Прилетел

бы волшебник какой и предложил, я бы тогда...

Сигнал будильника вырывает меня из сна, в котором было много перевязок и экзамены даже, только не школьные, а какие-то другие. Как будто я курсы какие закончила или что-то в этом роде. Сумбурный такой сон, невозможный просто. Решив не раздумывать слишком долго, после гимнастики и душа одеваюсь, отметив только, что мама ещё не приехала. Оставляю для неё завтрак и записку, а сама отправляюсь в школу. Нас сегодня на полигон везут, так что дома я буду очень даже поздно.

— Привет, Кать! — радостно здороваюсь я с подругой. — Готова?

— Я-то готова, — хихикает она. — А вот ты нет.

— Чего это я не готова? — удивляюсь в ответ, но она просто молча показывает мне на большой чёрный автомобиль киностудии. На нём написано, поэтому она и узнаёт. — Хочешь сказать, что прямо с уроков заберут? — удивляюсь я, потому что речи о том не было.

— Увидим, — смеётся Катя, направляя меня к школьным дверям. — Пошли.

Далеко, впрочем, уйти не удаётся. Стоит мне войти в холл школы, направляясь к гардеробу, как взгляд мой цепляется за командиров. Маша и Алексей в зимней своей форме стоят прямо у лестницы, спокойно разговаривая с директором, по моему. И вот тут командир видит меня.

— Младший сержант Савельева! — её голос перекрывает

обычный школьный шум. — Бегом переодеваться в сорок третий и сюда.

— А уроки? — не понимаю я.

— Вы освобождены сегодня, — вздыхает директор нашей школы, чьё имя-отчество я за полгода так и не запомнила.

— «Ленфильм» очень просил.

— Ясно, — киваю я, бегом отправляясь на выход под хихиканье всё ещё раньше понявшей Катюши.

Переодеваюсь я молниеносно, успев сменить гимнастёрку. Почему меня послали именно домой, я понимаю: по снегу буду ползать, поэтому стоит одеться по военной моде тех времён. То есть кальсоны, ватные штаны, гимнастёрка и полушубок с погонями, а не с петлицами. Кальсоны очень правильно придуманы, иначе ватные штаны всё на свете натрут, и я ходить не смогу.

Одевшись, выскакиваю наружу, ещё раз очень сильно удивив соседку, да и милиционера. Но остановить он меня не успевает — я быстро ныряю в автомобиль киностудии, где уже и командиры сидят. Сейчас будут мне объяснять, что нам сегодня предстоит, хотя я и так сказать могу — ползать мне сегодня, ползать и ползать... Буду показывать, как можно помощь оказывать в условиях артобстрела.

— Держи, — протягивает мне какие-то бумаги Алексей.

— Будем пробовать сегодня один эпизод, товарищи посмотрят, насколько он будет смотреться.

— Ясно, — киваю я, рассматривая документ, выглядящий

настоящим. — Решили сделать сцену с патрулём? — понимаю я.

На самом деле, изменение сценария во время съёмок случается, я спрашивала, но редко, а у нас...

Волховский

Поле, кусты и падающий впереди силуэт. Я выпрыгиваю из траншеи, метнувшись в ту сторону, но вставшие стеной взрывы заставляют вжаться в землю. Откуда-то доносится стрельба, приглушённые крики, но я всё ползу туда, где увидела упавшего человека. Почему нет команды остановить съёмку? Обычно же всегда... Строчка пробегает по грязному снегу, заставляя оторопело замереть. Боевыми стреляют? Или это просто...

Что это «просто» может быть, я додумать не успеваю, проползая ещё, пока не натываюсь на лежащего солдата. Вот только это не фильм. Он действительно ранен — видна кровь, и поэтому рука моя ныряет в медицинскую сумку, чтобы перевязать. Что и как в ней расположено, я знаю, ведь пользовалась мамиными знаниями, укладывая медикаменты.

— Потерпи, солдатик, — приговариваю я, оголив ему живот и обнаруживая, в чём дело.

— Сестрёнка... — хрипит он.

Понятное дело, хрипит, больно ему. Перевязав, как на картинке показано было, ухватываю за полушубок и ташу, ташу, ташу... Мне уже понятно, что вокруг совсем не полигон — взрывы, свист пуль, но я не даю себе заплакать, хоть и очень хочется. Кажется, моё желание оказаться на фронте,

чтобы папу спасти, стало правдой. Тогда надо выяснить, где я нахожусь и число сегодняшнее, а пока тащить. Кажется, от шока все мои эмоции застыли, будто атрофировались. Есть ещё надежда на то, что позади меня камера и командиры, но...

— Вьюнов! — доносится до меня команда. — Помоги сестрёнке!

— Есть, — слышится совсем близко, и рядом оказываются крепкие руки, а в следующее мгновение, кажется, совсем без перехода, я ссыпаюсь в траншею.

— Испугалась? — слышу чей-то голос, а сама ничего не могу сказать.

Вокруг совершенно точно не пятьдесят седьмой год — бойцы кто при погонах, кто с петлицами. Моего раненого уносят куда-то, звучат команды, а я всё пытаюсь в себя прийти. Хотя и мечтала я о подобном, но сейчас чувствую себя совершенно растерявшейся. А вокруг бой идёт на спад, и какой-то солдат рядом суёт в руку кусочек хлеба, за что я его благодарю.

— Представьте! — прямо рядом возникает ещё кто-то, и какая-то внутренняя сила вздёргивает меня на ноги.

— Младший сержант медицинской службы Савельева, товарищ... — тут глаза находят его петлицы, — лейтенант!

— Из какого санбата? Я вас раньше не видел, — строго говорит этот самый лейтенант.

— Из... из... из... — я пытаюсь вспомнить хоть один, но

тут меня как волной накрывает понимание, и по лицу текут слёзы. Я чувствую их, но как ни стараюсь, не могу плач остановить. Меня солдат обнимает в этот момент.

— Она Петрова вытащила под обстрелом, — мягко говорит обнявший меня солдат. — Испугалась, да ещё, видать, нет больше её санбата. А у нас всех повыбило...

— Юная какая, совсем ребёнок, — вздыхает кто-то, кого я не вижу, и лейтенант тут будто извиняться начинает.

— Да я что... Я же не со зла, — намного мягче произносит он. — У нас нет никого, а если проверка?

— У тебя документы есть, сестрёнка? — негромко и как-то очень ласково говорит тот, кто обнимает меня. Он выглядит пожилым, седым даже, но ведёт себя очень по-доброму, и я, кивнув, лезу в карман гимнастёрки за бумагами, протянув их все скопом лейтенанту.

— Савельева... Ого! — чему-то удивляется товарищ лейтенант, а затем всё ясно становится. — С пополнением она пришла, а тут у неё санбат полностью, но всё равно кинулась...

— Значит, лет шестнадцать ей, а в документах наверняка восемнадцать, — слышу я ещё один голос, и перед нами офицер при погонах предстаёт.

— Товарищ капитан! — принимается докладывать лейтенант, но офицер его останавливает.

— Савельева за мной, остальные отдыхать, — коротко приказывает он. — Пойдём, дочка, документы правильно

оформим.

От этого теплого «дочка» я, кажется, только сильнее плачу, но послушно иду, куда сказали. Судя по тому, что есть и погоны, и петлицы, то год сейчас сорок третий, и где-то до весны. Мне нужно дожить до января, найти и спасти папу. Любой ценой его спасти! Пусть даже... Даже если... Я всё равно его спасу! Потому что если он жив останется, то у мамы, может, много детей будет.

Так мы доходим до блиндажа. Товарищ капитан зовёт меня внутрь, а там кровать обнаруживается, рядом стол и лавки. Видно, что надолго устроились, а на стене карта. Вот по ней я сразу вижу, что фронт Волховский, но вот где именно мы, пока не понимаю. Надо будет спросить, потому что папу же найти хоть к сорок четвёртому надо.

— Присаживайся, — отложив автомат, садится за стол товарищ капитан, доставая откуда-то книгу большую. — Значит так, Савельева. Лет тебе максимум шестнадцать, как ты именно на наш фронт попала, мне в целом понятно. Но лучше бы на Ленинградский просилась.

Я молчу, а он записывает меня в большую тетрадь такую, затем уже начав что-то писать в тех бумагах, что я ему дала. Я же даже не читала, что там командиры понаписали, а стоило бы. При этом всё окружающее мне кажется сном. Ну не может же это быть на самом деле! Поэтому я себя так и чувствую.

— Сейчас с кем-то из бойцов сходишь в медсанбат, —

продолжает мне объяснять товарищ капитан. — Они тебя к себе впишут как санинструктора нашей роты, получишь от них всё, я акт составил. И обратно, ясно?

— Ясно, — киваю я, пытаюсь понять, что происходит.

— Всё... Тихонов! — вдруг кричит он так, что я едва со скамейки не падаю от неожиданности.

— Я! — появляется именно тот солдат, что меня обнимал. Только теперь я вижу, что он старшина, не разглядела сразу петлицы, и вскакиваю.

— Сестричку в санбат проводи, — просит его товарищ капитан. — Пригляди, чтобы не обидели. Скажешь, что санбат на её глазах, чтоб дали ей чего. Ну и пусть выдадут положенное.

— Есть! — отвечает старшина Тихонов, а потом улыбается мне ласково. — Пойдём, героическая девушка, пойдём.

Я понимаю: нужно брать себя в руки и правильно отвечать. Сон это или нет, но если заподозрят во мне кого не нужно, мне будет очень нехорошо. А заподозрить вполне могут, так что послушно иду за старшиной, которому командир роты, наверное, и выдал все бумаги. Ничего не понимаю, но всё ещё чувствую себя как будто во сне. А старшина ведёт меня по ходу сообщения, затем поворачивает куда-то, и ещё раз, затем только скомандовав осторожно подняться.

Санбат вроде бы за линией окопов должен быть, два километра, а то и больше, но дойти до него не проблема, наверное. Проблема понять, как я здесь оказалась, ведь кино

же снимали!

***

Командиром медсанбата оказывается женщина маминого возраста в звании капитана. Глаза у неё болотного цвета, очень уставшие, а волос я не вижу — они под головной убор спрятаны. Она внимательно читает мои документы, слушая при этом старшину, и кивает. Ну и время от времени мне вопросы по медицине задаёт, на которые я, конечно же, отвечаю.

— Заметен опыт, — произносит она наконец, не отрываясь от бумаг. — Такого в учебнике не прочитаешь. Я бы тебя тут оставила, но в ротах действительно нет людей. Вот что, побудешь пока прикомандированной, — решает она. — А как только придёт пополнение, я тебя сюда заберу. Может, и выживешь.

Я понимаю, она считает, что возможностей пережить войну у меня немного, но не пугаюсь. Уже пришла в себя, по маминому примеру отодвинув все эмоции на потом. Потом поплачу, потому что сейчас просто некогда. Я получаю то, что мне нужно для нормальной жизни в окопах, затем меня опять отзывают на инструктаж, но там уже и девушка лет двадцати обнаруживается.

— Вот, Оля, — вздыхает командир. — Это у нас санинструктор четвёртой роты по имени Даша.

— Ребёнок же совсем, Варвара Степановна, — восклица-

ет та, что Олей названа. — Как она-то?

— Уже вытаскивала, — произносит Варвара Степановна. — Так что справляется, да и одна она в роте осталась. Знания у неё есть, и не книжные, понимаешь?

— Это единственная уцелевшая от санбата? — понимает Ольга. — Тогда ясно, чего она такая потерянная. Будем вместе организовывать передовой пункт.

Что это такое, я знаю — передовой пункт приёма раненых — я доставляю туда раненых, там сортировка, и дальше отправляют в санбат, или не отправляют. Припомнив, что в книге написано было, начинаю на память рассказывать о том, как обеспечить его так, чтобы медсёстры и раненые выжили, потому что до санбата два километра по болотистой почве. Сейчас середина марта сорок третьего года, и мне очень нужно выжить, чтобы папу спасти.

Вернусь ли я обратно, не знаю, но главное, чтобы папа выжил, потому что иначе всё зря будет и мама совсем одна останется. Поэтому нужно стараться. А вот слушают меня очень внимательно, что и понятно, я же рассказываю то, что сейчас мало кому известно, ведь это суммарный опыт Великой Отечественной войны.

— Ого... — негромко Ольга произносит. — Звучит как руководство к действию. Услышала где?

— Мама рассказала, — не подумав, брякаю я, но тут же объясняю: — Она в ленинградской скорой помощи работает.

— Да, у ленинградцев вполне может быть такой опыт, —

кивает командир. — Предлагает она правильные вещи, поэтому действуйте именно так.

— Есть! — отвечаем мы хором и уже готовы идти обратно.

— Вот и молодцы, — улыбается товарищ старшина. — Дядькой Василием можешь меня называть, дочка.

— Спасибо, — улыбаюсь я, старательно задавив желание расплакаться.

Если бы я родилась позже... Но моё детство прошло после войны. Я помню сорок седьмой, когда было тяжело и нормы хлеба снизились, я помню, как страна поднималась на ноги, как мой город отстраивался, и потому внутренне оказалась готовой к такому повороту. По крайней мере, мне так кажется. Ну а если не смогу вернуться и всё окажется не сном, тогда... тогда конечно... Зато мама будет улыбаться, потому что папа с ней. Ради папы я на всё согласна.

По дороге из нашего медсанбата вижу организацию эвакуации раненых, понимая, что с этим и мне иметь дело придётся. В одной книге я читала о челночной транспортировке, надо будет это предложить, когда бои чуть поутихнут. Насколько я помню, должны бы скоро. Снег уже потихоньку в грязь переходит, а это значит — скоро форму одежды менять надо будет.

— Я предлагаю передовой санитарный пункт устроить метров за сто до траншей, — обращаюсь я к Ольге. — Попросить сделать отнорок, чтобы и щель была на случай, если

обстрел.

— И тогда будет не так опасно, — кивает она. — А ну как прорвутся?

— Не прорвутся, — совершенно уверенно качаю я головой. — Дядя Василий, как думаете, можно будет так сделать, чтобы ранбольшим ничего не грозило?

— Хорошее дело, — кивает он, взглянув в ход сообщения. — Выясним планы командования и сделаем.

Тут он прав — если наступление, тогда будет непросто и в целом бессмысленно. Но если я правильно помню историю, следующее большое наступление будет не сейчас. Наверное, поэтому в целом стоит. Но свои знания выдавать нельзя, потому что шпионством пахнуть может, а в это время подозревали всех и во всём. Поэтому буду ждать решения старших товарищей.

— Пойдём-ка, — зовёт меня с собой дядя Василий, который товарищ старшина. — Надо тебя покормить, а то пошлют в атаку, а у тебя в брюхе кишки тишину нарушают.

— Спасибо, — улыбаюсь я его шутке.

И вот, получив кашу с маленькими кусочками мяса неизвестно из кого, я начинаю осознавать, что всё вокруг вправду. Ну что же, я хотела оказаться в этом времени? Вот моё желание исполнилось. Теперь разговор с Машиной мамой мне видится совсем в другом свете, как будто она знала и желала меня отговорить. А я... но я же не знала... Хотя нет, чушь какая, откуда её мама могла такое знать, да и меч-

ту мою...

Не знаю я, что произошло, но мама всегда учила меня не сопротивляться фактам. А факты у нас такие: вокруг сорок третий год, и я ещё даже не родилась, хотя мама мной уже беременна, наверное. Кроме того, я на папином фронте, а так как часть его я знаю, то нужно выяснить, я-то в какой. Ну не зря же я столько книг прочитала? Значит, приходит время свои знания на практике проверять. Как-то так я думаю.

Доев и поблагодарив, я перебираю содержимое санитарной сумки. Новые бинты в не очень привычном виде мне выдали, значит, надо их на место уложить. Шина у меня деревянная есть, и порошки подписанные тоже. Только нужно учитывать, что стрептоцид здесь встречаться может, а вот бензилпенициллина ещё нет. Значит, использовать его можно, если не будет совершенно никакого выхода. Только в крайнем случае.

— Ого, как у тебя аккуратно всё, — удивляется товарищ старшина. — У других часто просто навалено.

— Я должна наощупь находить нужное, — объясняю ему. — Каждая секунда — это жизнь.

На самом деле, у умных санинструкторов не навалено. У каждого предмета есть своё место, и от того, насколько сохраняется порядок в сумке, зависит жизнь человека. Так мама говорила, когда объясняла, почему в ящике для медикаментов всё так устроено, а не иначе. Вот я и в сумке делаю такой же, мне привычный, порядок.

Санинструктор

Плохо я историю знаю. Очень плохо, о чём мне говорит начавшаяся артподготовка. Орудия бьют так, что окопы дрожат и земля с них осыпается. Девятнадцатое сегодня марта, я уже и поплакала, и успокоилась, ведь наши родители прошли это, а у меня две причины есть, и самая главная — папа. До начала января он точно был живым, так что я его сейчас не ищу. У меня, похоже, сейчас будет чем заняться — очень уж сильно палят.

Каску мне выдали, и ещё дядька Василий сказал, что очень плохо без каски быть, поэтому я сейчас смотрю из-под обреза на то, как взлетает земля, со снегом перемешанная. Трясутся траншеи, а солдаты уже ждут, и замполит тоже... Он хорошо, очень правильно говорил, и бойцы уже готовы. Вот проходит час, затем другой, а затем вскакивает командир:

— Вперёд! В атаку! Бей фашистов! — и добавляет много таких слов, что я краснею даже.

— Ура! — солдаты слева и справа от меня бросаются вперёд, а мне пока нельзя.

Строго-настрого запретили мне вместе со всеми выскакивать, поэтому я жду, пока первая волна врубится в бой, а затем принимаюсь ползти — нужно среди убитых на нейтральной бывшей полосе найти раненых, на ходу отсортировать

тех, кто может подождать, и тех, кого надо срочно. Я одна совсем на всю роту, поэтому умирать права не имею. А чтобы не помереть, надо ползать.

Мёртвый... мёртвый... мёртвый... хочется заплакать, и ещё страшно — пули свищут, но некогда. Вот ещё мёртвый, а вот этот живой. Хороший мой, живи только! Рука ныряет в сумку, я принимаюсь перевязывать, изо всех сил стараюсь, потому что он иначе кровью изойдёт. И жгут ещё, потому что бинты сами не справятся. А затем ухватываю за одежду и ташу.

Тяжело, очень даже, но очень нужно. Я должна его спасти, обязана просто. И тяну изо всех сил, а затем и Оля появляется, мне помогая. И передав ранбольного, быстро рассказываю о характере ранения и когда жгут наложен. А сама бросаюсь обратно на поле. Я будущий врач, меня мама учила именно не теряться, и потому не буду я пугаться, пока работа. «Потом поплачем», — так мама говорит.

Сколько проходит времени, я и не знаю, только голод помогает как-то ориентироваться, но хлеб у меня есть. Он не очень мне привычен тем, что не кислый, а горький скорее, но помогает, особенно если корочку отломить и сосать. И вот я ползаю, кажется, до темноты, а затем меня дядька Василий находит. Я лежу на снегу, не в силах заставить себя ползти дальше, а он меня на руки берёт, как маленькую прямо.

— Ну-ка, братцы, подвиньтесь, — спокойно произносит он, в бывшую вражью траншею прыгивая. — Сестрёнка на-

ша устала очень, ребят спасая.

А мне в его руках уютно так, что я просто задрёмываю. И от доброты старшины ещё очень на душе тепло становится. Я ведь маму не скоро увижу, только после войны, но и сказать даже не смогу, что мама она мне. Всё-таки хочется верить, что окажется всё это сном и я проснусь в маминых руках. Вот только я сегодня столько мёртвых видела впервые в жизни, что уже понимаю: не сон вокруг, совсем не сон.

— Поешь, девуля, пока не зарядили снова, — очень ласково произносит товарищ старшина, прямо как папа, которого у меня никогда не было.

— Да, сейчас, — киваю я, потянувшись к котелку, что принесли солдаты.

Каша пшённая, кажется, но вкуса я её почти не чувствую — очень устала, просто сил нет. Сейчас поем, немного отдохну и опять готова буду, потому что бои будут ещё долго. Войне ещё два года... Два года крови и пота, ведь много фашистов на свете. А потом и салют победы будет. Я сильная, я точно справлюсь, ведь нет у меня выхода. А мама с папой тогда себе много детей родят, и они обязательно счастливы будут. Может быть, мне позволят хоть иногда их видеть...

Кажется я засыпаю во время еды, но мне ничего не снится. А вот затем опять начинается бой. Просто без перехода вырывает меня из сна снова начавшаяся стрельба, и я снова ползу, как будто в ящерку превратившись. Единственная мысль в голове — спасти. Оказать помощь, ведь я будущий

врач. Я точно это знаю. И даже если не суждено мне вернуться в родной пятьдесят седьмой, я стану врачом.

— Дай-кось, помогу, — оказавшийся рядом солдат помогает мне тащить раненого.

— Спа-спасибо! — задохнувшись на мгновение, благодарю его я.

Вот уже и Оля рядом, хотя ей не положено, но ничего тут не поделаешь — не могу я одна на всю роту разорваться. И она это тоже понимает, помогая мне. А солдаты все тяжёлые такие, отчего я из сил выбиваюсь, но всё равно выволакиваю раненых. Так надо, я просто обязана.

День и ночь смешиваются, я едва могу урвать время на сон. И поесть ещё очень надо, потому что необходимо в одно и то же время питаться. Хоть корочку хлеба, хоть сухарик, и вот теперь я понимаю, как была права мама — живот не болит. А снов всё нет, совсем. Устаю я очень сильно, но и меняюсь внутренне. Не думаю о том, что будет в будущем, мне сейчас важно другое. И опять сигнал к атаке.

Упавшего капитана я вижу неожиданно для себя, буквально прыгнув в ту сторону. Если он убит — надо замполита найти, потому что рота без командира окажется, а это очень плохо. Изо всех сил спешу, где-то даже на ноги вставая и пригибаясь. Вот, наконец, добегаю, упав рядом. Без сознания, но жив. Сквозное ранение ног — остановить кровь, по возможности очистить рану, зафиксировать и тащить изо всех сил. Не совсем сквозное, на самом деле, ну и без созна-

ния он, а не должен быть.

— Ребята, прикроем сестрёнку! — слышу я голос дядьки Василия.

— Ура-а-а-а! Бей гадов! — кричат наши солдаты, а я тащу товарища капитана, изо всех сил тащу.

С трудом доволакиваю до передового санпункта, на котором нет никого. Но тут я могу уже промыть раны, сыпануть туда, воровато оглянувшись, немного стрептоцида, а затем забинтовать. Подождать он может, конечно. Я пишу на бинтах прямо и время наложения жгута, и тот факт, что он без сознания. А затем бросаюсь обратно, туда, где бой идёт. Я там нужна.

Товарища капитана забирают из передового пункта, в чём я через полчаса убеждаюсь, когда притаскиваю очередного ранбольного. Кивнув самой себе, пополняю бинты, потому что такими темпами заканчиваются они быстро очень, несмотря на экономию. Ещё перекусываю быстро в тишине и покое, а затем, конечно, бросаюсь обратно.

Я совсем не слежу за временем, да и за календарём, поэтому, когда вдруг становится тише, я просто падаю, где стояла, и засыпаю.

***

Новостей у меня две. Я нашла папу... Ну как нашла, он в нашу роту переведён из-за потерь. Уходя в санбат, увидела, но поняла не сразу, потому что устала очень сильно. Авот

вторая новость передо мной стоит в количестве трёх девчонок. Они, конечно, старше меня, ведь о своём возрасте я никому никогда не скажу, но выглядят чуть ли не младше. И я вздыхаю.

— Других нет, — спокойно произносит Варвара Степановна, правильно поняв мой вздох. — Олю ранило на передовом пункте, ей месяца три восстанавливаться, не меньше.

— А знания как? — интересуюсь я в ответ, хотя тот факт, что все трое ефрейторы, очень многое мне теперь говорит.

— Ну какие знания! Санитарная, и то не в полном объёме! — она, конечно, возмущена, девушки от её голоса сжимаются и жалобно глядят. — Так что это теперь твоя задача. На вот.

— Служу Советскому Союзу! — отвечаю я, разглядев протянутые мне треугольники. Понятно, на самом деле, от чего на ступеньку подняли. — Ну у нас вроде поспокойнее...

— Есть приказ перейти к обороне, — сообщает мне Варвара Степановна. — Пока распутица — так и будет, так что у тебя месяца два. И смотри! Чтоб хотя бы до декабря дожили!

— Есть! — этот приказ другого ответа не предполагает. — Пойдёмте, девушки, — вздыхаю я. — Учиться будем.

Вот теперь у меня будет возможность покомандовать. Только мне не строим их ходить учить, мне нужно научить девчат медицине, а ещё выживать на фронте. Варвара Степановна очень чётко выразилась — они теперь в моей ответственности. Моя это работа отныне, так что будем мастерить

подстанцию на коленке, как мама говорит.

До передовой линии нас на полуторке со снарядами подбрасывают, при этом девушки молчаливы, а я форму в порядок привожу. Они видят, что я юная очень, но фронт говорит своё слово, потому и ощущаются они теперь младше меня по возрасту. Чуть больше двух недель прошло, а я уже изменилась. Совсем незаметно для меня, но изменилась. И вот с такими мыслями мы добираемся до опустевшего передового санпункта.

— Присаживайтесь, — вздыхаю я, оглядевшись. Достая тетрадь учёта и открываю её с конца. Здесь запишу, потому как бумага — вещь на фронте редкая. — Представляемся, пару слов о себе. Возраст честный, а не по документам, я никому не скажу, — я говорю коротко, почти не улыбаюсь — усталость сказывается.

— Ефрейтор Романенко, — представляется сероглазая светловолосая девушка в форме не по росту. — Настя... Я... Меня...

— Шестнадцать хоть есть? — интересуюсь я, понимая всё по тому, как она мнётся. Сама такая.

— Вчера... — шёпотом признается Настя. — А мама...

И я обнимаю её, не нужно тут слов, понятно всё. Осталась одна, ушла на фронт, чтобы отомстить. А тут две недели ничему не научивших её курсов — и на фронт. Насколько я знаю, эта практика была довольно быстро прекращена, но вот такие девчата на фронте всё на своём опыте познавали.

Так в воспоминаниях написано, я не придумываю.

— Ну, а ты? — я к девушке с тёмной косой обращаюсь. Вот только заметна седина в её косе, значит, хлебнула уже.

— Валя Кузьмина, — поднимает она на меня упрямый взгляд. — Семнадцать мне. А Кате едва пятнадцать, но сказала, что восемнадцать. Никто и не проверял.

— Ясно, — киваю я, хотя именно о таких случаях не слышала даже. Но они могли просто не выжить, а всех погибших... В общем, понятно. — Тогда, девушки, будем учиться. Сейчас я расскажу вам об устройстве передового пункта, а потом пойдём знакомиться в роту.

Девчата, поняв, что я не собираюсь их прогонять, улыбаться начинают. Катя и Валя у нас сёстры, значит, будут работать в паре, а Настя со мной, так что будут у нас две пары, и дело пойдёт лучше. В одиночку Катя, например, никого не выдернет — худенькая она очень. Не думаю, что из Ленинграда, хотя всё возможно, но немца уже точно видела, потому что в глазах её ненависть живёт.

Вздыхнув, начинаю с основ: как определить ранение, какая повязка для чего предназначена. Мы начинаем учёбу. Часа три я им рассказываю теорию десмургии так, как сама читала. Можно сказать, экзамен сдаю шести очень внимательным глазам. Ну а затем перехожу к правилам передвижения — в траншее, на переднем крае, при эвакуации.

— Глупость буду лечить травами! — сообщаю я им.

— Это как? — Катя пытается представить, но фантазии

не хватает.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.